

DOI: 10.17976/jpps/2017.03.10

## РОССИЙСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.Ю. Сунгуров, М.Е. Карягин

**СУНГУРОВ Александр Юрьевич**, доктор политических наук, руководитель департамента прикладной политологии СПб филиала Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург. Для связи с автором: [asungurov@mail.ru](mailto:asungurov@mail.ru); **КАРЯГИН Михаил Евгеньевич**, аспирант департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург. Для связи с автором: [karyaginm@gmail.com](mailto:karyaginm@gmail.com)

Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. – Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 144-159. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00089

*Статья поступила в редакцию: 02.10.2016. Принята к печати: 02.02.2017*

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные модели взаимодействия властных институтов и представителей экспертного сообщества: линейно-автономная, модель “добродетельного разума”, а также предложенная авторами “модель оплаченного результата”. При проведении исследования реализовано десять поездок в российские регионы, в ходе которых авторы взяли около сорока экспертных интервью с представителями экспертного сообщества, исполнительной и представительной власти, неправительственных организаций и СМИ. Кроме того, в четырех городах (Екатеринбург, Казань, Калининград, Нижний Новгород) были организованы фокус-группы, состав которых формировался аналогично составу респондентов экспертных интервью. Показано, что в современных российских условиях в рамках деятельности экспертно-консультативных советов, создаваемых при органах власти регионального уровня, реализуется преимущественно символическая функция экспертного знания. Это можно объяснить тем, что в состав подобных советов приглашаются в основном “статусные” эксперты, занимающие руководящие позиции в иерархиях российских университетов или институтов РАН. В условиях публичной деятельности таких советов в большинстве случаев их члены готовы “играть одну игру” с представителями региональной власти, подтверждая эффективность деятельности этой власти, в том числе и отсутствие в регионе серьезных нерешенных проблем. Инструментальная же функция реализуется в основном в виде отдельных заказов структур исполнительной власти экспертам в рамках линейно-автономной модели, когда эксперты готовят свои заключения и рекомендации полностью автономно, а затем представители власти (также автономно от экспертов) принимают решения с учетом полученной информации.

**Ключевые слова:** экспертное сообщество; инструментальная и символическая функции экспертного знания; принятие политических решений; режимы власти-знания; российские регионы.

В наши дни все более актуальной становится необходимость лучшего понимания роли и места экспертов в процессе принятия политических решений. Это связано с постоянно растущей ролью знания как такового и со сложностью стоящих перед властью и обществом проблем. В одних научных работах анализируются закономерности получения самого экспертного знания и отличия экспертной деятельности от работы академического ученого

[Ашкеров 2009; Грундманн, Штер 2015], в других в центре внимания находятся возможности сочетания знания экспертов и гражданских активистов, социально активных граждан (одним из путей такого сочетания может стать концепция делиберативной демократии [Brown 2008; Christiano 2012]).

Мы же обратимся к анализу форм взаимодействия носителей экспертного знания (экспертного сообщества) с органами власти различного уровня. Это взаимодействие также давно изучается, прежде всего за рубежом [Collins, Evans 2007; *The Politics of Scientific Advice...* 2011]. В исследованиях были предложены интересные модели взаимодействия экспертного сообщества и власти, например, модель “добродетельного разума” (*virtuous reason*) [Jasanoff 2011]. Однако модели, которые хорошо описывают ситуацию в странах со стабильным демократическим режимом, далеко не полностью применимы к современной России. Российских же исследований подобного опыта пока явно недостаточно [Аналитические сообщества... 2012]. Мы надеемся, что наше исследование, первые результаты которого представлены в этой статье, внесет свой вклад в понимание основных форм взаимодействия российского экспертного сообщества и власти.

В начале статьи остановимся на существующих представлениях о взаимодействии экспертного сообщества и власти в странах со стабильной демократической системой и в современной России, далее представим результаты экспертных поездок в российские регионы, проведенных там экспертных интервью и фокус-групп, которые дадут основание для выделения основных форм исследуемого взаимодействия и реализуемых при этом функций экспертного знания. И в заключение мы представим мнения участников ежегодной конференции Российской ассоциации политической науки.

В странах со стабильной демократической системой наиболее распространены экспертные и консультативные советы [Guston 2001; Hunter, Boswell 2015], а также фабрики мысли (аналитические центры), степень независимости которых от властных структур существенно выше [Medvetz 2012]. Однако и экспертно-консультативные советы, действующие при властных структурах, часто сами определяют повестку дня и рассматривают важные общественные проблемы по собственной инициативе. Тем самым в своей деятельности они выходят за рамки классической линейно-автономной модели взаимодействия с властными структурами, при которой ученым дается право обосновать качество и цельность их открытий и результатов по своим собственным правилам, прежде чем политики начинают их применять для решения общественно-политических проблем.

Современная реальность, по мнению британского исследователя Шейлы Джасанофф, лучше описывается моделью “добродетельного разума”, в рамках которой не разграничиваются научное знание и поиски общественного блага. В ее фокусе вопрос о том, как интеграция науки и политики может помочь получению желаемого результата, причем эта интеграция достигается в процессе диалога между представителями экспертного знания и властных структур различного уровня [Jasanoff 2011].

Проблеме взаимоотношений экспертов и власти посвящен ряд работ и российских исследователей. Н.А. Косолапов пишет, что власть заказывает экспертам исследования не только чтобы получить квалифицированные советы, но и чтобы “легимитимизировать” в глазах общества уже принятое в принципе решение, укрепить его ссылкой на соответствующую научную

экспертизу, а также создать “дымовую завесу” вокруг принимаемого решения путем проведения множества публичных обсуждений, экспертиз и т.д. [Косолапов 2003]. Примерно такой же спектр возможных причин, заставляющих властвующих политиков привлекать экспертизу, О.А. Мирошенков приводит шесть лет спустя [Митрошенков 2009].

А.С. Макарычев выделяет две модели организации профессионального знания. Первую из них можно условно назвать “административной”, или “традиционной”. В традиционной экспертной среде репутация носит преимущественно административный характер, поскольку успешное продвижение по иерархической лестнице требует соответствующей протекции и любые отклонения от “стандарта”, в частности, научная критика, воспринимаются как проявление нелояльности и нарушение “корпоративной солидарности”. Вторая модель основана на других параметрах, которые можно назвать “сетевыми”, или “горизонтальными”. Сетевые ресурсы управляются посредством проектной деятельности, выходящей, как правило, за рамки чисто научного анализа, и в той или иной степени предполагающей наличие публичного компонента [Макарычев 2003]. Позже Макарычев пишет о том, что “отношения между государством и эпистемологическими сообществами приобретают форму режимов власти-знания, которые формируют различные рамки или стили политического мышления” [Макарычев 2015:12]. И далее он выделяет два таких режима. Первый из них строится на убеждении, что исследователи и эксперты предназначены для снабжения власти политико-идеологическими аргументами для обоснования уже существующих позиций. Второй режим рассматривает аналитиков как производителей особого типа дискурса, не тождественного дискурсу суверенной власти, который “выводит свои принципы из природы управляемого объекта, а не из интересов суверенного правителя или из религиозного порядка, освещенного традициями” [Merlinger 2006: 182]. На наш взгляд, первый режим власти-знания достаточно хорошо соответствует административной модели организации профессионального знания.

Н.А. Волынкина в кандидатской диссертации приводит аргументы в пользу своего тезиса, что политическая экспертиза — это не просто один из дополнительных компонентов процесса принятия политических решений, а органичный элемент политики, самостоятельный фактор политического процесса, имеющий собственную динамику развития. Рассматривая российский региональный уровень, автор пишет: “Иногда политики ссылаются на авторитет науки и экспертов, не желая отказывать напрямую влиятельным силам, тем самым отводя от себя подозрения и удары и сохраняя лицо” [Волынкина 2011: 9].

Встречается и мнение о том, что даже символическое использование властью экспертного знания имеет смысл лишь в ситуации признанного обществом статуса этого знания. “Статус же эксперта напрямую зависит от его способности публично обосновать свои социальные притязания, в противном случае он будет экспертом лишь в своем представлении, но не в общественном” [Кожанов, Полякова 2010: 253]

Анализ российских публикаций и опыт наших предыдущих исследований послужили основанием для дополнения двух сформулированных выше моделей взаимодействия экспертного сообщества и власти третьей моделью — моделью оплаченного результата, при которой в качестве вознаграждения могут выступать не только деньги, но и, например, рост символического капи-

тала ученого, привлекаемого властью для экспертных функций. Главное — что результат экспертного заключения уже заранее известен.

В рассмотренных выше работах выделяются две главные функции экспертного знания — инструментальная и символическая. В первом случае от эксперта ожидается аргументированный ответ на поставленный вопрос, включая проведение необходимого для этого анализа. Во втором случае политик привлекает эксперта, чтобы легитимировать уже принятое решение через экспертное одобрение, а также чтобы повысить свой авторитет. Иногда функцию легитимации принятого решения выделяют в отдельную — подкрепляющую функцию [Boswell 2008], но в российской ситуации привлекаемых статусных экспертов часто не особенно заботят результаты такого рода экспертной деятельности, и не понятно, кто увеличивает свой символический капитал в этом случае, поэтому мы не станем разделять подкрепляющую и символическую функции и для обеих будем использовать термин “символическая” — как альтернативу инструментальной функции.

Отметим также, что для первых двух моделей — линейно-автономной модели и модели “добродетельного разума” — характерна реализация именно инструментальной функции экспертного знания. Предложенной же нами модели оплаченного результата свойственна символическая функция. Важно подчеркнуть, что модель оплаченного результата реализуется и в странах со стабильной демократией, однако благодаря различным системам профессионального и общественного контроля шансов у нее гораздо меньше, чем у линейно-автономной модели и модели “добродетельного разума”.

Можно выделить три формы организации деятельности экспертов:

- индивидуальная, когда эксперт работает “один на один” с заказчиком экспертизы, в соответствии с оформленным контрактом или без него;
- участие экспертов в различного вида экспертных или консультативных советах, создаваемых при властных структурах;
- работа экспертов в рамках самостоятельных организаций — фабрик мысли.

Так как в России на региональном уровне (который и будет далее объектом исследования) фабрик мысли осталось крайне мало [Сунгуров 2015а], то основной формой стала индивидуальная деятельность экспертов в составе экспертно-консультативных структур. Ранее мы предположили, что во втором случае вероятность реализации символической функции, и, соответственно, модели “оплаченного результата”, будет ниже, так как в условиях коллективной работы возможен взаимный контроль со стороны других экспертов, а в первом случае эксперт остается “один на один” с заказчиком, поэтому может побеждать соблазн деятельности по модели оплаченного результата [Сунгуров 2015б]. Соответственно, проверка этого предположения и будет главной задачей исследования.

В рамках этого исследования в 2014–2016 гг. состоялись экспертные поездки в десять субъектов РФ в различных федеральных округах, где было проведено около сорока экспертных интервью, респондентами которых выступили представители академического сообщества, власти, СМИ и НКО, а также четыре фокус-группы с аналогичным составом участников (в Екатеринбурге, Казани, Калининграде и Нижнем Новгороде). При анализе текстов расшифрованных экспертных интервью и фокус-групп использовался метод категориальной схемы анализа содержания [Пацельт 2004].

В большинстве экспертных интервью респонденты указывают, что региональная власть заинтересована не столько в инструментальной, сколько в символической функции экспертного знания: *“Они работают с теми, кто спрашивает ‘чего изволите’, т.е. сначала им надо сказать, что требуется, а потом они получают этот результат”* (интервью с А, профессором, СФО, июнь 2014). Эту картину дополняет интервью с другим университетским профессором: *“Администрация контролирует пространство таким образом, что в экспертном мнении она не заинтересована. Более того, экспертное мнение рассматривается в некоторых случаях Администрацией как угроза собственной политике позиционирования, потому что экспертное мнение может кроме положительного создавать и отрицательное [впечатление], а этого очень не хочется, во-первых, а во-вторых, есть некие рисованные показатели, экспертное мнение подрывает картинку”* (интервью с Б, профессором, СФО, июнь 2014).

Это мнение практически совпадает с точкой зрения другого респондента, уже из Центральной части России: *“на данном этапе они считают, что важнее сегодня публичные высказывания людей в их адрес, поддерживающие те или иные решения, чем интеллектуальный продукт”* (интервью с В, профессором, ЦФО, апрель 2015). Это же подтверждают и участники фокус-групп в Калининграде и Нижнем Новгороде: *“есть специалисты, которые при власти, они всегда дадут нужное заключение, повлияют на решение какого-то вопроса, и есть которые не при власти, они могут что-то от себя сказать”* (фокус-группа в Калининграде, 14.03.2014). *“Власть хочет управлять экспертной оценкой, она хочет от экспертов получить, как правильно здесь было сказано, нужный ей результат, что вот это хорошо, а вот они плохие, они неправильно вышли на митинг, они неправильно организовали пикет, они не поняли, что все это в их интересах, а не наоборот”* (фокус-группа в Нижнем Новгороде, 15.12.2015).

Отметим, что работать в рамках модели оплаченного результата соглашаются далеко не все потенциальные эксперты: *“Недавно мне пожаловались молодые социологи: они приехали по заказу администрации [N-ской] области, и они не стали работать, потому что им показали результат, на который они должны выйти”* (фокус-группа в Екатеринбурге, 26.11.2015). Если одни эксперты не дают ожидаемого результата, их легко могут заменить, как об этом говорит респондент Г, рассказывая о ситуации с экспертизой на выявление экстремизма в высказываниях, когда эксперты из институтов РАН давали отрицательные заключения: *“В какой-то момент у моих коллег такие экспертизы перестали заказывать, есть штатные эксперты, которые работают на кафедрах философии, в ВУЗах МВД, в каких-то аналогичных структурах, и они, соответственно, дают нужные заключения”* (интервью с Г, политологом и депутатом муниципального совета, УФО, ноябрь 2015).

Применение модели оплаченного результата подтверждают и сами представители исполнительной власти, при этом они раскрывают и мотивацию рядовых сотрудников, которые взаимодействуют с экспертами: *“Формально да, мы говорим о том, что хотим услышать мнение экспертов, по факту если эксперт начинает выражать свое экспертное мнение, которое расходится с мнением системы исполнительной, система начинает сопротивляться и говорить: ‘да нет, ну что вы, да нет, это они вообще ничего не понимают, и зачем мы их набрали, мы и без них все знаем’. Это если говорить о системе”* (интервью с Д, сотрудником областной администрации, ПФО, апрель 2016). Здесь отражен также феномен



“навязанной сверху” и поэтому формальной экспертизы. Кроме того, инициатива “экспертизы с заданным результатом” может принадлежать не руководству, а рядовым сотрудникам: *“Когда мне надо показать, что я хорошо работаю, нужна оценка, которая бы об этом говорила. Это разворачивает экспертное сообщество, это называется пустить пыль в глаза... Ведь просто даже сформулировав сам вопрос можно сделать определенную направленность на ответ. Тогда это можно иногда видеть оправданным, если нужно успокоить население”* (интервью с Е, сотрудником областной администрации, ЦФО, апрель 2015).

Участник фокус-группы в Казани отметил, что иногда эксперты сами угадывают, чего от них ожидают представители власти: *“Есть разные варианты, но есть и третий вариант, так называемая самоцензура, особенно когда индивидуально каждый выступает в качестве эксперта и понимает, что его мнение — это не то, что он высказывает”* (фокус-группа в Казани, 1.04.2016). Можно предположить, что такие эксперты будут привлекаться властью снова и снова. В последнее время исполнительная власть избегает сотрудничества с независимыми аналитическими организациями, признанными хотя бы временно “иностранными агентами”: *“Нынешний губернатор, он воспринимает вообще доступ к предоставлению какой-либо экспертной работы как маркирование лояльности. Мы нелояльные, а статус независимости не обсуждается, его нет. Либо оппоненты, либо лояльные. Все”* (интервью с Ж, руководителем аналитического центра, ПФО, 13.05.2016).

Одновременно с борьбой против “иностранных агентов”, из-за которой региональные власти опасаются работать с экспертами из независимых центров, получивших такой ярлык, в рамках деятельности “Открытого правительства” принимаются нормативные акты, обязывающие муниципальные и иные власти создавать общественные и экспертные советы. Вот как описывает ситуацию участник фокус-группы в Екатеринбурге: *“В Свердловской области так же, как и во всей России, грянул час, когда во всех органах муниципальной власти должны были быть сформированы те или иные экспертные сообщества, связанные с предпринимательством... Я помню, как главы муниципальных образований попросту приглашали: ‘Слушай, ну срочно нужно. Вот понимаешь, мне без экспертизы, мне без этого совета по делам предпринимателей просто невозможно. Я не смогу отчитаться, я не смогу получить бюджет, я не смогу сделать это...’”* (фокус-группа в Екатеринбурге, 26.11.2015). Эту тему развивает другой участник фокус-группы: *“И вот этот стихийно когда-то формировавшийся институт экспертов показал свою определенную несостоятельность. И сегодня пошла другая тенденция: к профессионалам, которые в своей области что-то знают и что-то понимают, начинают обращаться как к экспертам (они не являются официально экспертами), но к ним обращаются, потому что они ‘по земле ходят’... К сожалению, обращаются очень часто те, кто являются официальными экспертами, и, взяв мнение вот этого профессионала, потом выдают его за свое”* (фокус-группа в Екатеринбурге).

Здесь встает вопрос о мотивации экспертов работать по модели оплаченного результата в условиях, когда за экспертизу платят мало или совсем не платят: *“У нас... всю жизнь было, что труд эксперта должен быть бесплатен”* (интервью с Б). Некоторые сотрудники исполнительной власти приводят аргументацию: *“Это только кажется, что экспертов найти легко. Мы пытаемся создавать экспертное сообщество, списки экспертов, чтобы каждый раз с нуля не начинать, но*

все в процессе. Ведь особенно не горят работать бесплатно. Если вы работаете за деньги, то вы и работаете... А если вы работаете на общественных началах, то вы получаете общественный результат” (интервью с Е). Однако в условиях экспертного набора в экспертные советы в их состав часто попадают и случайные люди, мотивированные в основном на получение собственного символического капитала. Вот что говорит по этому поводу один из участников фокус-группы: “Каким образом можно заманить эксперта? Во-первых, славой, каким-то промоушеном, что человек становится известным. Во-вторых, у человека появляются, может быть, микроскопические лоббистские возможности. Он начинает с властью общаться в одной плоскости, за одним столом, он становится вхож в определенные кабинеты... сегодня экспертное сообщество выполняет функцию... ну, скажем так, открывания определенных дверей для тех или иных людей” (Фокус-группа в Екатеринбурге). С этой позицией категорически не согласен другой участник этой же фокус-группы: “То, что говорилось здесь о каких-то привилегиях и так далее, для нас это нонсенс какой-то. Какие привилегии? Эксперт, который сидит ночью, после своего рабочего времени, за компьютером и тратит свое ночное время, отрывая его от семьи и своего здоровья — это он делает сознательно, потому что он хочет улучшить что-то в нашем мире, в нашем обществе... Коллега, видимо, просто в другом мире общается” [там же].

Можно предположить, что в современной России существует по крайней мере две категории экспертов. В первую, категорию “официальных экспертов”, попадают люди либо статусные, либо набранные действительно в условиях “ленинских призывов”, которые иногда готовы за символические бонусы работать по модели оплаченного результата, но часто не обладают необходимыми экспертными знаниями. Они в лучшем случае сами приглашают настоящих специалистов для экспертизы, а в худшем дают некомпетентные советы, дезавуируя в глазах чиновников, заинтересованных в инструментальной функции экспертов, все экспертное сообщество. Вот как об этом говорит один из участников фокус-группы в Казани: “В том случае, когда советы представляются широкими и публичными, во-первых, туда входят эксперты только по названию. Есть эксперты по должности, которые четко настраивают свои локаторы на то, что хотела бы услышать власть. Во-вторых, как мне представляется, они призваны обсудить ту или иную стратегию власти, нежели предложить иной подход” (фокус-группа в Казани).

Существует и вторая категория экспертов, которые могут эффективно выполнять инструментальную функцию, не соглашаясь на функцию символическую и часто работают действительно ради общественного блага. Проблема в том, что между ними и сотрудниками исполнительной власти, заинтересованными в реализации инструментальной функции, часто стоят эксперты первой категории. В этой ситуации крайне важно существование институтов с медиаторскими функциями, хорошим примером которых может быть институт уполномоченного по правам человека [Барандова 2015; Глухова 2015]. Именно так получилось в Свердловской области, где у омбудсмена Т.Г. Мерзляковой сложился хороший опыт взаимодействия с экспертным сообществом, включая создание экспертных рабочих групп при подготовке тематических специальных докладов уполномоченного (фокус-группа в Екатеринбурге). Эти же группы отслеживают выполнение рекомендаций, сформулированных в специальных докладах. “Самая большая проблема в том, — считает Т.Г. Мерзлякова — что не

всегда независимая экспертиза востребована, вот опять же, ко мне во вторник придет специалист клинический психолог. Она готова в суде дать свои заключения, но их никто не будет слушать, потому что был уже определен другой психолог. Когда нашей администрации надо что-то не для отчета, а для собственного понимания, они, правда, обращаются, и я здесь уже привлекаю необходимых экспертов” (интервью с Т.Г. Мерзляковой, уполномоченным по правам человека в Свердловской области, 30.01.2015).

Наш респондент определил еще один, третий тип “экспертов”, готовых выявлять недостатки местной власти, но не обладающих для этого должной квалификацией или гражданской ответственностью: *“Поле людей, которые готовы взаимодействовать с властью, участвовать в нулевых чтениях, в чем угодно, и готовы экспертно считать оценку регулирующего воздействия, увеличилось кратно, но не совпадает с нашим представлением о тех, кто является реально носителем гражданской независимой продуктивной культуры”* (интервью с Ж.). В дальнейшем, как можно предположить, часть из них перейдет в первую, а определенная часть – и во вторую категорию экспертов.

Рассмотрим примеры и закономерности реализации инструментальной функции экспертного знания, для реализации которой, как выяснилось в процессе исследования, более характерна индивидуальная форма работы экспертов. Хороший пример такого взаимодействия описал участник фокус-группы в Казани: *“Мне представляется наиболее эффективным взаимодействие индивидуального эксперта с органами власти, когда эксперту дается определенное задание, и он эту работу выполняет. Я неоднократно спрашивал, видимо, приличные были заказчики: ‘А что Вы бы хотели получить? А как?’ – и получал замечательный ответ: ‘Нас интересует Ваше мнение. Вас не должно интересовать, что мы хотим получить’. Меня это полностью устраивало”* (фокус-группа в Казани). О такой же форме реализации инструментальной функции экспертного знания говорит и другой участник фокус-группы: *“Есть утрирование некое, что над нами стоит чиновник с дубинкой и заставляет какие-то вещи делать. Во-первых, когда идет мониторинг, чиновник многих вещей не понимает, у них специфический ум, уровень образования. Здесь очень важно власти знать правду... Есть сферы, куда чиновники не заходят. Другое дело, когда мы выдаем какой-то продукт, как его уже используют, здесь уже [может быть] все, что угодно”* (фокус-группа в Казани). Мы видим, что имеет место точное описание линейно-функциональной модели взаимодействия экспертов и власти.

В рамках фокус-группы в Нижнем Новгороде было высказано мнение о характере взаимодействия с “Росатомом”: *“Ко мне обращаются по электронной почте, чтобы я попытался проинтерпретировать те результаты, которые они получили. Эта работа идет постоянно, и власть, независимо от того насколько критичны для нее результаты, всегда реагирует на них позитивно”* (фокус-группа в Нижнем Новгороде). Можно предположить, что подобные ситуации (экспертная работа регионального специалиста на одну из федеральных структур) складываются в рамках линейно-автономной модели, когда реализуется именно инструментальная функция, так как для символической функции существуют иные эксперты (первого типа). Еще один участник нижегородской фокус-группы привел пример работы эксперта-политтехнолога, сопровождающего процесс выборов (и не только), когда заказчик заинтересован исключительно в инструментальной функции эксперта: *“Символический*



*[характер использования] очень редок для меня, потому что я человек закулисный, по преимуществу это прагматика позиционирования по отношению прежде всего к населению, и иногда к властям более высокого уровня: региональным, федеральным” (фокус-группа в Нижнем Новгороде).*

Наряду с аналитической частью деятельности политтехнолога можно указать еще на одну разновидность экспертной деятельности, как правило, реализуемую и на региональном уровне – экспертизу законопроектов, в рамках которой власть взаимодействует по первой – линейно-автономной модели: *“Предварительно дается какая-нибудь оценка, допустим, кафедра административного права дает заключение, потом это заключение обсуждается на уровне рабочей группы, когда рассматривается законопроект, или у нас есть экспертный совет от партии ‘Единая Россия’. Отправляем туда законопроект, потом разбрасывают его по кафедрам, потом заседание экспертного совета, получаем экспертные мнения о своих законопроектах. Необязательно, конечно, их учитывать, но в целом – скорее первая модель”* (интервью с З, сотрудником аппарата областной думы, ПФО, апрель 2016).

Таким образом, мы видим, что линейно-автономная модель действительно используется в российских регионах. Другое дело, что при этом реализуется чисто инструментальная функция, как про это хорошо сказал в интервью наш респондент, который ранее имел опыт работы в команде, продвигавшей на уровне региона важные и интересные для нее реформы: *“Большой частью это инструментальные задачи, когда нужен результат, спроектировать решение, провести мероприятие, организовать, сделать, разработать. Они готовы платить деньги не за мысли, они готовы платить деньги именно за инструменты достижения тех целей, которые у них есть”* (интервью с И, экспертом негосударственного фонда, преподавателем университета, ПФО, май 2016). Этот же респондент вспоминает, как ранее, работая в другой негосударственной организации, он совсем по-иному относился к своей экспертной деятельности: *“До 2012 года я абсолютно точно знал, что мы на острие, вот когда была административная реформа, когда была бюджетная. Тогда было ощущение, что мы что-то создаем, формулируем повестку, и это было очень важно. Мы фактически жили в администрации, было очень много работы. А потом с 2012 года – все, просто обслуживание текущей реальности, повседневности. Ты уходишь из субъекта [деятельности] и начинаешь обслуживать”* (интервью с И). На наш взгляд, этот респондент отдает предпочтение своему опыту деятельности в рамках модели “добродетельного разума”, когда и эксперты, и представители власти в диалоговом режиме разрабатывали и реализовывали решения общественно значимых проблем. Затем, в связи со сменой руководства региона, ситуация изменилась.

Однако и сегодня мы смогли выявить в одном из исследованных регионов взаимодействие экспертов и власти по модели “добродетельного разума”. Это подтверждается практикой одного из респондентов: *“Мы встречаемся, допустим, раз в два-три месяца и выступаем как эксперты под заказ, или мы сами что-то создаем для министерства экономического развития, или у нас собираются представители вузов, кто занимается в этом направлении. И вот здесь никакого направления, чтобы мы делали то, что они хотят, нет”* (интервью с О.Н. Фоминым, зам. директора по научной работе ПИУ РАНХиГС, Саратов, 14.04.2016). Его дополняет другой респондент, соруководитель описываемых семинара и клуба: *“Клуб – это неформальная обстановка, где администрация,*

чиновники, общественники могут говорить друг другу то, что они думают на самом деле, не боясь, что это выйдет [вовне]. На его встречи приходят и сотрудники власти, и чиновники, и бизнесмены, и малые, и крупные. Мы всех собираем, таких, которые действительно могут. И там разрабатываются темы семинаров, но в половине случаев наоборот, сначала идет семинар, то есть открытая площадка. И если на семинаре что-то интересное пошло, то мы потом это в клуб переносим, где можно говорить, не задумываясь о словах... Один из результатов – стратегия выросла областная” (интервью с А.Н. Неверовым, зав. кафедрой ПИУ РАНХиГС, Саратов, 14.04.2016). Такая ситуация сложилась благодаря тому, что институт, на базе которого проводятся семинары, и областная администрация давно успешно взаимодействуют друг с другом, их можно назвать “хорошо сообщающимися сосудами”. Также важна традиция: в Саратове аналогичные семинары и клубы проводятся со времени губернаторства Д.Ф. Аяцкова.

Другим примером реализации модели “добродетельного разума” может служить – и в этом мы полностью согласны с С.Г. Маковецкой – “модель, которая реализуется в ситуации, когда ведомства достаточно далеко продвинулись в использовании экспертных сил и сформировались некоторые экспертные пулы, которые участвуют в разработке и принятии решений. И это происходит в таких ведомствах, как Министерство экономического развития, Министерство финансов, частично Минсоц, Минтруд” (интервью с С.Г. Маковецкой, директором центра ГРАНИ и членом комиссии Правительства РФ по взаимодействию с Открытым Правительством, Пермь, 13.05.2016).

Наконец, если рассматривать институт уполномоченного по правам человека как институт государственной власти, то в ряде случаев (например, Пермский край, Свердловская или Самарская области, г. Санкт-Петербург) его взаимодействие с экспертным сообществом и гражданскими организациями, совместная подготовка специальных докладов, создание рабочих групп по актуальным социальным проблемам региона также вполне соответствуют модели “добродетельного разума”.

Результаты этой части нашего исследования показывают, что в России на федеральном и региональном уровнях реализуются все три модели взаимодействия власти и экспертов, хотя использование наиболее современной модели “добродетельного разума” сокращается, прежде всего, из-за уменьшения количества независимых экспертных организаций либо из-за присвоения им ярлыка “иностранный агент”. Еще одним результатом стало разделение экспертов на три типа: 1) “статусные” (номенклатурные), из которых формируются экспертные или общественно-экспертные советы при властных структурах, они в наибольшей степени склонны работать по модели оплаченного результата; 2) эксперты-специалисты в своей отрасли, работающие чаще по линейно-автономной модели или модели “добродетельного разума”; 3) “эксперты-самозванцы”, готовые участвовать во всевозможных “народных контролях”, не будучи ни специалистами, ни гражданскими активистами. Если мы попытаемся найти среди всех этих экспертов политологов, то ясно, что к третьему типу они точно не относятся, а распределяются, по-видимому, в зависимости от своего должностного статуса, между первым и вторым типами.

Реальное обсуждение проблем происходит за плотно закрытыми дверями власти, либо – с участием экспертов – в рабочих группах Открытого правительства и некоторых федеральных министерств, а на региональном уровне –

в редких и также достаточно закрытых “экспертных клубах” наподобие Саратовского. Инструментальная же функция экспертной деятельности реализуется в основном в форме отдельных заказов структур исполнительной власти в рамках линейно-автономной модели, когда власть не навязывает эксперту решений, а эксперт никак не влияет на дальнейшую судьбу своих рекомендаций.

Ранее мы предположили, что эксперты, действующие в рамках экспертных советов, будут менее склонны к реализации чисто символической функции своего участия в этих структурах из-за большей вероятности корпоративного контроля и профессиональной солидарности. Представленные в статье материалы, напротив, свидетельствуют о том, что публично действующие экспертные советы, формируемые часто по статусному принципу, скорее склонны принимать “правила игры” и не ставить под сомнение предложенные властью варианты решений общественно важных проблем. Об этом достаточно четко сказал один из участников нижегородской фокус-группы (который и сам был одним из организаторов клуба 4 ноября “Единой России”): *“Я хочу сказать, обозревая все виды вот этих форм взаимодействия, что они в основном выполняют функции формальные и символические. То есть они в большей степени обозначают факт этих партнерских отношений экспертов и структур власти, будь то исполнительные, законодательные или партийные. Если допустить, что работали бы свободно языки взаимодействия, то власть оказалась бы в ситуации испытаний, достаточно серьезных (выделено авт.), потому что в данном случае она постоянно боится риска неких дискредитаций, в широком смысле этого слова, то есть ей нужны ситуации спокойные, стабильные, удостоверяющие стабильность ситуации и сложившийся устойчивый порядок”* (фокус-группа в Нижнем Новгороде).

154 Мы видим, что внедряемые в рамках деятельности Открытого правительства нормативные требования о повсеместном создании экспертных и общественных советов в современных российских условиях приводят не к повышению прозрачности и подотчетности властных структур, а к созданию преимущественно символических советов, в которые попадают люди, ориентированные больше на увеличение собственного символического капитала. И именно публичность их деятельности в условиях реальной подотчетности региональной власти не жителям региона, а власти федерального уровня, приводит к тому, что реальные проблемы не обсуждаются. В итоге создается ситуация, хорошо описанная еще одним участником нижегородской фокус-группы: *“Для органов власти подобные советы и заседания носят исключительно протокольный характер: у них это написано в мероприятиях, и они это проводят... И власти, и эксперты ситуацию понимают и, скажем так, не ломают формат отношений. Власть не делает вид, что она задает и ждет ответа на какие-то важные вопросы, а эксперты при этом не мешают власти, не создают для нее проблем. И в этом отношении, скажем так, все находятся в консенсусе”* (фокус-группа в Нижнем Новгороде).

Исследование, проведенное с помощью экспертных интервью и фокус-групп в российских регионах, дополнено анкетированием участников Ежегодного собрания Российской ассоциации политической науки (РАПН), состоявшегося в ходе VII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.), среди которых были председатели региональных отделений и члены правления РАПН. Всего собрано и обработано 40 анкет, т.е. получена информация примерно от половины участников собрания, представляющих собой наиболее активную часть этой профессиональной политологической ассоциации.

В таблице представлены ответы на вопросы о влиянии экспертов на принятие властных решений. Хорошо видно, что респонденты одновременно подчеркивают и необходимость влияния экспертов на процесс принятия политических решений, и отсутствие практики такого влияния. При этом респонденты считают, что определенная заинтересованность представителей власти в советах экспертов все же имеется, но на деле она не реализуется.

Анализ анкет показал, что большинство респондентов имеет опыт экспертной деятельности. Им было предложено проранжировать шесть организационных форм активности экспертов. Наиболее эффективными формами были названы “непубличные обращения со стороны органов государственной власти с формально оформленным результатом (заказ аналитической записки, доклада)” – 2,6 балла; практически столько же получили “официальные институты (общественные и экспертные советы при органах власти)” – 2,5 балла. На третьем месте, уже со значительным отставанием – “средства массовой информации (через комментарии, публикации и т.д.)” (3,2 балла), четвертое и пятое места поделили такие ответы, как “через исследовательскую деятельность, популяризуя результаты своих исследований” и “непубличные контакты без формально оформленных результатов (личные встречи, консультации)” (по 3,7 балла). На последнем, шестом месте, с существенным отставанием – ответ “непосредственное участие в общественно-политических акциях (аналогично ‘публичной социологии’ по Майклу Буравому)” (4,8 балла). Мы видим, что опрошенные политологи выбрали две наиболее формализованные формы взаимодействия – участие в экспертных и консультативных советах и конкретную работу по заказам представителей власти. Так как, скорее всего, в ежегодном собрании РАПН участвовали представители двух основных типов экспертов, выделенных нами ранее, можно предположить, что для первой категории экспертов (“статусные эксперты”) наиболее важна символическая функция (усиливающая их символический капитал), а для второй категории (экспертов-специалистов) – инструментальная функция, которая реализуется преимущественно в форме непубличных обращений органов государственной власти с формально оформленным результатом (заказ аналитической записки или доклада).

Таблица (Table)

**Отношение респондентов к процессу влияния экспертов на властные решения (%)**

*The Respondents' Attitude to the Process of Experts' Influence on the Power Decisions (per cent)*

	Нет	Скорее нет	Сложно сказать	Скорее да	Да
Должны ли эксперты влиять на властные решения?	0	0	17	32	51
Заинтересована ли власть в участии экспертов?	9	33	46	12	0
Влияют ли эксперты на принятие властных решений?	3	51	43	3	0

Подводя итоги, отметим, что выделенные нами две основные категории экспертов (“статусные” и эксперты-специалисты) соответствуют административной и сетевой моделям организации экспертного знания, описанным А.С. Макарычевым [Макарычев 2003]. Первая категория чаще входит в состав экспертно-консультативных советов и, как правило, действует в рамках первого из режимов власть-знание, построенных на убеждении, что исследователи



и эксперты предназначены для снабжения власти политико-идеологическими аргументами для обоснования уже существующих позиций. Иначе говоря, в этих условиях важнейшей становится символическая роль экспертного знания и реализуется предложенная нами модель оплаченного результата. Второй режим, при котором эксперты не оглядываются на интересы суверенного правителя [Макарычев 2015], а реализуют инструментальную функцию экспертного знания, соответствует линейно-автономной модели.

Можно также заключить, что наш вывод о том, что большинство экспертно-консультативных советов регионального уровня реализует преимущественно символическую функцию экспертизы, соответствует тезису Н.А. Волынкиной о том, что экспертиза становится частью политического процесса, в рамках которого региональным властям важнее всего продемонстрировать стабильность в регионе вышестоящей власти, а статусные эксперты соответствуют этим ожиданиям [Волынкина 2011]. В такой ситуации наиболее современная модель взаимодействия экспертов и власти – модель “добродетельного разума” – реализуется пока лишь в рамках экспертных советов Минэкономразвития и ряда иных федеральных структур, выступающих этой “вышестоящей властью”.

Одним из итогов настоящего исследования стало также выделение третьей категории экспертов – “экспертов по случаю”, которых набирают в экстренном порядке в создаваемые экспертно-консультативные советы или направляют туда по решению различных движений и палат. Некоторые из них затем “отсеиваются”, а некоторые, используя полученный символический капитал, могут стать статусными экспертами (небольшая доля – экспертами-специалистами), либо представителями интересов гражданских организаций. Само их появление (достаточно массовое) говорит об имитационном характере реформ, направленных на усиление открытости власти. Здесь также становится актуальным вопрос о формах взаимодействия экспертного сообщества с организациями гражданского общества, но это уже тема для дальнейших исследований.

---

*Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики.* Отв. ред. Н.Ю. Беляева. 2012. М.: РАПН, РОССПЭН. 253 с.

Ашкерев А.Ю. 2009. *Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма.* М.: Европа. 170 с.

Грундманн Р., Штер Н. 2015. *Власть научного знания.* СПб: Алетейя. 324 с.

Волынкина Л.А. 2011. *Политическая экспертиза как фактор политического процесса.* Автореф. дисс. канд. полит. наук: 23.00.02. Саратов. 23 с.

Кожанов А.А., Полякова В.В. 2010. Анализ влияния социальных изменений на трансформацию института экспертизы: роль эксперта в эпоху глобализации. – *Глобализация и социальные институты: социологический подход.* Отв. ред. И.Ф. Девятко, В.Н. Фомина. М.: Наука. С. 241-260.

Косолапов Н. 2003. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости. – *Pro et Contra.* Т. 8. № 2. С. 18-31.

Макарычев А.С. 2003. Проектные сети, трансферт знаний и идея “обучающегося региона”. – *Pro et Contra.* Т. 8. № 2. С. 32-48.

Макарычев А.С. 2015. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти. – *Политическая наука.* № 3. С. 9-26.

Митрошенков О.А. 2009. Политическое управление и экспертиза. – *Управление мегаполисом.* № 1. С. 100-126.

Патцельт В.Й. 2004. Методы политической науки. – Шуберт К., Конеген Н. *Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение*. М.: РОССПЭН. С. 133-165.

Сунгуров А.Ю. 2015а. *Как возникают политические инновации: “фабрики мысли” и другие институты-медиаторы*. М.: Политическая энциклопедия. 383 с.

Сунгуров А.Ю. 2015б. Экспертные сообщества и власть: Модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации. – *Политическая наука*. № 3. С. 53-70.

Boswell C. 2008. The Political Functions of Expert Knowledge: Knowledge and legitimation in European Union Immigration Policy. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 15. No. 4. P. 4721-4788.

Brown M.B. 2008. The Politics of Representation on Government Advisory Committees. – *Political Research Quarterly*. Vol. 61. No. 4. P. 547-560. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912907313076>

Christiano T. 2012. Rational Deliberation among Experts and Citizens. – *Deliberative Systems*. Ed. by J. Parkinson, J. Mansbridge. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27-51.

Collins H., Evans R. 2007. *Rethinking Expertise*. Chicago, London: University of Chicago Press. 159 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226113623.001.0001>

Guston D.H. 2001. Boundary Organizations in Environmental Policy and Science: An introduction. – *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 26. No. 4. P. 399-408. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224390102600401>

Hunter A., Boswell C. 2015. Comparing the Political Functions of Independent Commissions: the Case of UK Migrant Integration Policy. – *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. Vol. 17. No. 1. P. 10-25.

Jasanoff S. 2011. Quality Control and Peer Review in Advisory Science. – *The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge: Cambridge University Press. P. 19-35.

Medvetz T. 2012. Murky Power: “Think Tanks” as Boundary Organizations. – *Rethinking Power in Organizations, Institutions, and Markets Research in the Sociology of Organizations*. V. 34. P. 113-133. DOI: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2012\)0000034007](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2012)0000034007)

Merlingen M. 2006. Foucault and World Politics: Promises and Challenges of Extending Governmentality Theory to the European and Beyond. – *Millennium: Journal of international studies*. Vol. 36. No. 1. P. 181-196.

*The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. 2011. Cambridge: Cambridge University Press. 381 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.03.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10)

## **RUSSIAN EXPERT COMMUNITY AND GOVERNMENT: MAIN FORMS OF INTERACTION**

**A.Yu. Sungurov, M.E. Karyagin<sup>1</sup>**

<sup>1</sup>*National Research University Higher School of Economics, Campus in St. Petersburg. St. Petersburg, Russia*

**SUNGUROV Alexander Yurevich**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Department of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. Email: [asungurov@mail.ru](mailto:asungurov@mail.ru); **KARYAGIN Mikhail Evgenevich**, doctoral student, Department of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. Email: [karyaginm@gmail.com](mailto:karyaginm@gmail.com)

Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. Russian Expert Community and Government: Main Forms of Interaction. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 3. P. 144-159. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (project No. 16-03-00089)

*Received: 02.10.2016. Accepted: 02.02.2017*

**Abstract.** The main forms of interaction of the power institutions and the representatives of the expert community are considered in the article, namely the three models of interaction: a linearly-autonomous model, a model of virtuous reason, and a “model of the prepaid result” developed by the authors. The research included ten expert trips to different Russian regions and about 40 expert interviews with respondents from the expert community, governmental structures, NGOs and mass-media. Four focus-groups were organized in Ekaterinburg, Kazan, Nizhniy Novgorod and Saratov, formed from the same categories as respondents of expert interviews. It is shown that in the contemporary Russia, the activities of numerous expert councils established at governmental agencies of different levels mostly implement the symbolic function of expert knowledge. We explain this by inclusion to this expert council of so called ‘status’ experts with high positions in the hierarchy of ruling bodies of academician institutes or universities. When acting publically, most members of such councils are ready to “play the same game” as the representatives of the regional authorities, hereby confirming the effectiveness of their power and absence of serious unsolved problems in the region. The instrumental function, in turn, is implemented mainly in the form of individual orders for experts placed by the authorities in the framework of the linear autonomous model: firstly, experts autonomously prepare their conclusions and recommendations; secondly, representatives of authorities take their decisions taking into account the received information (also autonomously from the experts).

**Keywords:** expert community; policy-making; instrumental and symbolic functions of expert knowledge; regimes power-knowledge; Russian regions.

### References

*Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike.* Otv. red. N.Yu. Belyaeva [Analytical Communities in Public Policy. Ed. by N.Yu. Belyaeva]. Moscow: RAPN, ROSSPEN. 2012. 253 p. (In Russ.)

Ashkerov A.Yu. *Expertokratiya. Upravleniye znaniyami: proizvodstvo i obrascheniye informatsii v epokhu ultrakapitalizma* [Expertocratism. Management of Knowledge: Production and Exchange of Information in the Time of Ultra-Capitalism]. Moscow: Europe. 2009. 170 p. (In Russ.)

Boswell C. The Political Functions of Expert Knowledge: Knowledge and Legitimation in European Union Immigration Policy. — *Journal of European Public Policy*. 2008. Vol. 15. No. 4. P. 4721-4788.

Brown M.B. The Politics of Representation on Government Advisory Committees. — *Political Research Quarterly*. 2008. Vol. 61. No. 4. P. 547-560. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912907313076>

Christiano T. Rational Deliberation among Experts and Citizens. — *Deliberative Systems*. Ed. by J. Parkinson, J. Mansbridge. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 27-51.

Collins H., Evans R. *Rethinking Expertise*. Chicago, London: University of Chicago Press. 2007. 159 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226113623.001.0001>

Grundmann R., Shter N. *Vlast' nauchnogo znaniya* [Power of Scientific Knowledge]. Saint Petersburg: Aleteya. 2015. 324 p. (In Russ.)

Guston D.H. Boundary Organizations in Environmental Policy and Science: An introduction. — *Science, Technology, & Human Values*. 2001. Vol. 26. No. 4. P. 399-408. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224390102600401>

Hunter A., Boswell C. Comparing the Political Functions of Independent Commissions: the Case of UK Migrant Integration Policy. — *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 10-25.

Jasanoff S. Quality Control and Peer Review in Advisory Science. — *The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. P.19-35.

Kozhanov A.A., Polyakova V.V. Analiz vliyaniya sotsialnykh izmeneniy na transformatsiyu instituta expertizy: rol' experta v epokhu globalizatsii [Analysis of Influence of Social Changes at the Transformation of Institute of Expertise: Role of Expert in the Time of Globalization]. — *Globalizatsiya i sotsialnye instituty: sotsiologicheskii podhod* [Globalization and Social Institutions: Sociological Approach]. Moscow: Nauka. 2010. P. 241-260. (In Russ.)

Kosolapov N. Politics, Expertise, Society: the Nodes of Mutual Dependence. — *Pro et Contra*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 18-31. (In Russ.)

Makarychev A.S. Projective Networks, Transfer of Knowledge and Idea of ‘Learning Region’. — *Pro et Contra*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 32-48. (In Russ.)

Makarychev A.S. States, Expert Communities and Regimes of Knowledge-Power. — *Political Science*. 2015. No. 3. P. 9-26. (In Russ.)

Medvetz T. Murky Power: “Think Tanks” as Boundary Organizations. — *Rethinking Power in Organizations, Institutions, and Markets Research in the Sociology of Organizations*. 2012. Vol. 34. P. 113-133. DOI: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2012\)0000034007](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2012)0000034007)

Merlingen M. Foucault and World Politics: Promises and Challenges of Extending Governmentality Theory to the European and Beyond. — *Millenium: Journal of international studies*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 181-196.

Mitrosheikov O.A. Political Management and Expertise. — *Upravlenie megapolisom*. 2009. No. 1. P. 100-126. (In Russ.)

Patzelt W.J. Metody politicheskoy nauki [Methods of Political Science]. — Shubert K., Konegen N. *Metodicheskie podhody politologicheskogo issledovaniya i metateoreticheskie osnovy politicheskoy teorii. Kommentirovannoe vvedenie* [Shubert K., Konegen N. Methodical Approaches of a Political Study and Metatheoretical Bases of the Political Theory. Introduction]. Moscow: ROSSPEN. 2004. P. 133-165. (In Russ.)

*The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. 2011. Cambridge: Cambridge University Press. 381 p.

Sungurov A.Yu. *Kak vosnikayut politicheskie innovatsii: fabriki mysly i drugiye instituty-mediatory* [How Political Innovations are Emerge: Think Tanks and other Mediator Institutes]. Moscow: Political Entsyclopedia. 2015. 383 p. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. Expert Communities and Political Authority: Interaction Models, Main Functions and Conditions of their Realization. — *Political Science (RU)*. 2015. No. 3. P. 53-70. (In Russ.)

Volynkina L.A. *Politicheskaya ekspertiza kak factor politicheskogo processa. Avtoreferat diss. kand. polit. nauk: 23.00.02* [Political Expertise as a Factor of Political Process. Thesis of PhD Dissertation]. Saratov. 2011. 23 p. (In Russ.)